

А. С. Палкин

**ЕДИНОВЕРЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ЭПОХУ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(по материалам газеты «Правда православия»)***

doi: 10.30759/1728-9718-2021-3(72)-161-168

УДК 94(470)“1906/1907”

ББК 63.3(2)532

В статье проанализирован опыт единоверческой политической мысли в период Первой русской революции. Анализ проведен в контексте развития единоверческой мысли и формирования конфессиональной идентичности единоверцев во второй половине XIX — начале XX в. Выделены три специфические направления единоверия, сформировавшиеся в этот период: консервативное, радикальное и реформистское. В центре внимания находится последнее направление, возглавляемое петербургским священником Симеоном Шлеевым. Его представители выступали за реформирование синодального устройства церкви, созыв Поместного собора, усиление автономизации единоверцев и их объединение под эгидой петербургского центра единоверия. Их печатным органом была газета «Правда православия» (некоторое время выходила под названием «Глагол времен»). Издание первых номеров газеты пришлось на период Первой русской революции, в связи с чем петербургские единоверцы, претендовавшие на лидерство среди своих собратьев по всей стране, начали писать на политическую тематику и публично критически осмыслять окружающую политическую действительность. В статье выделены основные блоки тем и авторы, писавшие на политическую тематику в 1906 — начале 1907 г. в газетах «Правда православия» и «Глагол времен», проведен анализ динамики появления такого рода публикаций. Сделаны выводы о соотношении общеполитической повестки и специфических вопросов, волновавших единоверцев.

Ключевые слова: *единоверие, «Правда православия», «Глагол времен», духовная периодика, революция, Симеон Шлеев, Русская православная церковь*

Единоверие — движение, основной целью которого является присоединение старообрядцев к Русской православной церкви при сохранении ими своих книг и обрядов. Долгие годы единоверие находилось на периферии исследовательских интересов ученых, занимавшихся историей Русской православной церкви или старообрядчества. Однако в последние полтора десятка лет интерес к теме значительно возрос как у отечественных, так и у зарубежных исследователей, что привело к появлению целого ряда работ, как касающихся частных вопросов, так и имеющих обобщающий характер.¹ Такой интерес обусловлен большим

потенциалом указанной темы, связанным с «маргинальным», промежуточным положением единоверия, его изменчивостью в исторической динамике и вариативностью на региональном уровне.

Появившееся как попытка достижения компромисса в конце XVIII в., единоверие во второй четверти XIX столетия эволюционировало, согласно меткой формулировке Н. Н. Покровского и Н. Д. Зольниковой, в «псевдокомпромиссный инструмент борьбы» со старообрядчеством.² Административные методы насаждения единоверия привели, с одной стороны, к его широкому распространению по всей стране, а с другой — к задержке формирования особой единоверческой идентичности.³ Проблема идентичности единоверцев появилась с самого начала существования единоверия. Споры о том, каким должно быть единоверие, нашли отражение в ряде проектов 1784–1800 гг. Единоверие во многом было создано искусственно

¹ См., напр.: Кауркин Р. В., Павлова О. А. Единоверие в России (от зарождения идеи до начала XX века). СПб., 2011; Уайт Дж. Единоверие и официальное православие: неудавшийся опыт объединения в практике публичных церемоний (1900–1913) // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 201–223; Он же. Единоверие и концепция конфессионализации: дискурсивные заметки // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4, № 4. С. 177–189;

Палкин Александр Сергеевич — к.и.н., доцент кафедры истории России, директор департамента «Исторический факультет», Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: a.s.palkin@urfu.ru

Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII — начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург, 2016; White J. M. Unity in Faith?: Edinoverie, Russian Orthodoxy and Old Belief, 1800–1918. Bloomington, 2020.

² Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. М., 2002. С. 142–182.

³ См.: Палкин А. С. Единоверие в конце 1820-х — 1850-е годы: механизмы государственного принуждения и противостояние староверов // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 86–106.

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 21-78-10119 «Культурное наследие на Урале: социальная роль, трансформация, трансляция» (рук. А. С. Палкин)

с целью привлечения старообрядцев в ограду официальной церкви, но в основе соглашения лежали стремления части староверов легализовать беглопоповщину. В связи с этим возник ряд проблем: православные считали единоверцев «полураскольниками», а старообрядцы видели в единоверии «никонианскую ловушку» и называли его «старообрядческой унией». Задержка в формировании единоверческой идентичности была обусловлена и разнородностью самих единоверцев.

Староверы могли принимать единоверие вполне искренне, но чаще это происходило в добровольно-принудительном порядке. В таком случае единоверцы фактически оставались старообрядцами, сохраняли старообрядческую идентичность, а их принадлежность к единоверию зачастую принимала специфические формы (например, «исправление» единоверческих священников, включение их в систему исполнения обрядов жизненного цикла наряду с традиционно выполнявшими эту функцию авторитетными старообрядцами и т. д.). Не добавляла духа единства и социальная дифференциация единоверцев. Разные группы населения (купцы, мещане, мастеровые, крестьяне, казаки и т. д.) весьма по-разному воспринимали единоверие. Единоверие имело и ряд географических вариаций, которые отличались от официально утвержденного Синодом в 1800 г. варианта (например, «единоверие на особых условиях» 1838 г. в Екатеринбурге и «благословенные церкви» в Уральском казачьем войске рубежа 1850–1860-х гг.). Собственную специфику имели и единоверческие священники. Зависимые от паствы в материальном плане, они воспринимались прихожанами как «легальные беглые попы», во многих случаях не имея опыта служения по старым обрядам, они были вынуждены ежедневно общаться со сложным старообрядческим «контингентом». Многие священники воспринимали служение на единоверческом приходе как тяжкую обязанность и стремились при первой возможности перевестись на православный приход. К середине XIX в. между единоверческими общинами было гораздо больше различий, чем общих черт. Причем речь идет не только об общинах, находившихся в разных регионах, но и о приходах, располагавшихся в одном населенном пункте (как это было, например, в Нижнем Тагиле и Екатеринбурге).⁴

⁴ См.: Варушкин Н., священник. О единоверии в Нижнетагильском заводе и его округе // Православный собеседник. 1866. Ч. 3.

Приблизительно с 1860-х гг. представители единоверческих элит начинают поиски идеологии, способной объединить разрозненные приходы по всей стране. Это нашло выражение в спорах о единоверческом епископате 1860-х гг.,⁵ формулировании в 1870-е гг. «нужд единоверия» — набора требований, который, по мнению единоверцев, должен был укрепить их положение.⁶

Таким образом, начало складывания самосознания единоверцев пришлось на 1860–1870-е гг., что выразилось в формировании трех основных направлений единоверия, активно соперничавших друг с другом, в том числе и в сфере публикационной активности. Их представители полагали, что единоверие нуждается в более или менее серьезных реформах и уступках со стороны РПЦ, однако каждое направление видело свой путь выхода из кризиса. Можно выделить три основных течения единоверия: консервативное (во второй половине 1860–1890-х гг. его главными представителями были о. Павел Прусский и о. Ксенофонт Крючков, таких же взглядов на единоверие придерживался и Н. И. Субботин), господствовавшее в течение всего XIX в.;⁷ радикальное (о. И. Т. Верховский), оформившееся в 1860-е гг. и отличавшееся большим своеобразием (например, Верховский предлагал ликвидировать единоверие и создать «всестарообрядчество»);⁸ а также реформистское (о. С. И. Шлеев), появившееся в начале XX в.⁹ В данную классификацию намеренно не включены «неискренние единоверцы», то есть староверы, лишь формально приписанные к единоверию, а на деле не изменившие своей религиозной принадлежности. Подобное решение обусловлено тем, что последняя группа не считала себя единоверцами и не разделяла их интересов.

Большая часть «баталлий» по вопросам единоверия проходила на страницах церковной прессы: в частности, в журналах духовных

С. 191–199; Палкин А. С. К истории внутренней жизни единоверческих общин Екатеринбурга и Нижнего Тагила: от конфронтации к объединению // Вестн. музея «Невьянская Икона». Екатеринбург, 2013. Вып. 4. С. 186–197.

⁵ См.: Палкин А. С. Полемика представителей духовных элит единоверия о путях его развития в 1860-е гг. // Урал. ист. вестн. 2012. № 3 (36). С. 66–72.

⁶ См.: Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII — начале XX в... С. 252–255.

⁷ См.: Iwaniec E. Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich: XVII–XX w. Warszawa, 1977. S. 122–127.

⁸ См. о нем: Протоиерей Иоанн Верховский. Труды. СПб., 2014.

⁹ См. о нем: Путь на Голгофу: в 2 т. М., 2005.

академий, в миссионерском издании Н. И. Субботина «Братское слово», находила отражение в отдельных брошюрах и миссионерских листках и т. д. Однако в связи с некоторой либерализацией печати в 1860-е гг. у единоверцев появляются собственные периодические издания, выходящие, правда, в разное время. Одно из них — имеющий ярко выраженную миссионерскую окраску журнал «Истина» (выходил 6 раз в год с 1867 по 1886 гг., издатель — священник К. Голубев).¹⁰ Другое — направленная на осуществление консервативных реформ в Церкви еженедельная газета «Правда православия» (1906–1908, издатель — священник С. И. Шлеев). В указанных изданиях нашли отражение два противоположных варианта единоверия, но в нашей статье мы сфокусируемся на «Правде православия».

События начала XX в. многое изменили в России. Первая русская революция 1905–1907 гг. произвела огромное впечатление на современников. Перед многими подданными российского императора встал вопрос ориентации в водовороте идей, мнений и движений, охвативших страну. Включились в этот процесс и петербургские единоверцы (под руководством о. Симеона Шлеева), пытавшиеся объединить единоверцев всей страны под своей эгидой. Их печатным органом стал журнал «Правда православия» (01.09.1906–10.11.1906 — 11 номеров), выходящий под названием «Глагол времен» в период 03.12.1906–13.01.1907 (5 номеров) и затем вернувший прежнее название в период 21.01.1907–20.12.1908 (87 номеров).

Обычно «Правду православия» используют как источник по истории единоверия (в том числе интеллектуальной), связанный с взаимоотношениями единоверия и официальной церкви, самоидентификацией и самопрезентацией единоверцев. Также она ассоциируется с именем ее издателя и вдохновителя о. Симеона Шлеева. Сегодня мы рассмотрим как в журнале отразились взгляды единоверцев на сложные политические события начала XX в. Взаимоотношения единоверцев с официаль-

ной церковью мы будем учитывать только в таком контексте и специально на них останавливаться не будем.

Первый период существования «Правды православия» был наиболее смелым по содержанию. С третьего номера на первом развороте появляется слоган «Духовный орган — за свободу и независимость Церкви».

В первом же номере была напечатана статья «Как разобраться по-христиански в политическом водовороте наших дней», написанная редактором издания священником Никольской петербургской единоверческой церкви Петром Аксеновым.¹¹

Он дает резко негативные оценки происходящему вокруг. «Революцию» и «реакцию» (в данном случае — крайне левых и крайне правых соответственно) он сравнивает с «ненасытными гидрами», называет их главным преступным свойством «действие скопом». Превращение всего себя, своей жизни в слепое орудие с явным отравлением своих чувств «противоестественным озлоблением» — вот «душа революции и реакции». Автор отмечает, что «правительство поставлено в безвыходное положение и бессильно осуществлять свое первейшее назначение — обеспечить населению безопасность, когда реакция, страшнейшая революции, маскируется сторонником и защитником правительства». Также он осуждает «Союз русского народа» за призывы к мести в отношении террористов. Он расценивает их как «выходки реакции... приплетавшей нетрезвым языком церковь и Христа в число союзников». Такого рода отношение к правым партиям было свойственно далеко не всем представителям церкви. Аксенов пишет ярким метафоричным языком. Например, революция, якобы действовавшая во имя блага народного, у него никаких оправданий не заслуживает. Попытки революции изменить жизнь общества к лучшему — все равно, что заложить под фундамент строящегося здания фугасы и их взрывами корректировать недочеты строителей. На революции лежит двойная вина — за себя и за «реакцию». Революционеры начинают как альтруисты и потом перерождаются. В союзе человек становится сильнее, по мнению революционеров. Аксенов отмечает: «...это искание силы в массе и кладет начало извращения благородного

¹⁰ См.: Iwaniec E. Droga Konstancya Gołubowa od starowierstwa do prawosławia: karty z dziejów duchowości rosyjskiej w drugiej połowie XIX wieku. Białystok, 2001; Idem. Wydawnictwa staroobrzędowców na terenie Polski i ich staroruskie tradycje // Zeszyty naukowe uniwersytetu Łódzkiego. Seria I. Nauki humanistyczno-społeczne. Z. 109. Łódź, 1976. S. 69, 70; Вознесенский А. В., Мангилев П. И., Починская И. В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701–1918). Материалы к словарю. Екатеринбург, 1996. С. 37, 38, 59, 60.

¹¹ См.: Аксенов П., свящ. Как разобраться по-христиански в политическом водовороте наших дней // Правда православия. 1906. № 1. С. 2–4.

движения сердца человеческого в зверское». Автор подытоживает, что люди должны сплываться не на чувстве ненависти, а из лучших христианских чувств, в этом он видит лучшую страховку от «кровавой революции» и, следовательно, от «кровавой реакции». Он полагает, что обличение «неправды и тьмы» и устройство жизни на началах высшей человечности составляют общественную задачу церкви как реализации христианства в условиях общественных, государственных.

Помимо рефлексии о текущих событиях и осуждения радикалов крайне левого и крайне правого флангов авторы «Правды православия» пытались осмыслить причины революции.¹² Священник Я. Медведь полагал, что обычно корень бед ищут в области экономической или политической. Он писал: «С точки зрения экономистов (социалистов) коренное зло русской жизни заключается в народной нищете и неправильном распределении материальных благ, поэтому путь ко спасению — в экономических реформах или революции, политика — на второй план, а нравственность и религия вовсе отвергаются. Политики причину... находят в общем беспорядке русского народа, в абсолютическом характере нашего государства, враждебно относящегося к народному просвещению, подымающему самосознание и требовательность как отдельных лиц, так и целых народностей». В связи с этим на первом месте у них — политические преобразования, потом экономика, а нравственные и религиозные вопросы — в тени. На самом же деле главная причина бед, по мнению священника, в нравственном состоянии России. Нравственная точка зрения «отрицательно относится ко всяким насилиям». Нет политических и экономических причин, которые могут дать право совершать действия безнравственные. Поэтому все насильственные формы «освободительного движения» подлежат осуждению.

Далее автор задается вопросом, можем ли мы искать вину не только в себе, но и в «матери нашей Церкви»? Он полагает, что безгрешной является только Вселенская церковь, а Российская церковь — нет, при этом каждый член церкви ответственен за нее. Делает заключение он следующим суждением: «Старые исторические грехи тяжелым гнетом лежат на ее (церкви — А. П.) совести и довели современ-

ную церковную жизнь до совершенно расслабленного полупараличного состояния». Таким образом, вина за происходившие в стране события частично возлагается на Синодальную церковь, которая не в состоянии была обеспечить должного морально-нравственного состояния православных подданных российского императора.

В статье «Христианство и современность»¹³ священник П. Аксенов делает попытку объяснить действия и мотивы революционеров: «Бунт против прежних устоев жизни, против собственности и государственности, как и всякое другое явление, по меньшей мере, имеет две стороны, внутреннюю и внешнюю... Героизм даже до смерти мученической с несомненностью свидетельствует о благих намерениях, воодушевляющих жертвы современного движения». Воодушевляет нынешних деятелей «самое высокое начало, по природе своей христианское — стояние за ближних своих, стояние самоотверженное». Война против собственности — следствие пребывания в нищете широких масс населения. Мотивы, которые побуждают людей к бунту, — следствие явлений другого порядка. Христианство и «современность», (современные политические движения, целью которых является передел собственности — А. П.) по-разному решают вопрос обеспечения нуждающихся и с недоверием смотрят друг на друга. Однако главное, что роднит христианство и «современность» — «высшее напряжение сочувствия-сострадания к невинным жертвам гнета экономических условий жизни». Так автор призывает стороны к диалогу, отмечая, что первый шаг навстречу современности воюющей стороне должно сделать христианство.

Редактор «Правды православия» П. Аксенов довольно жестко критиковал и высшее церковное начальство, включая первенствующего члена Святейшего Синода, Петербургского митрополита Антония (Вадковского).¹⁴ Последний от имени Синода в особом приложении № 35 к официальной части «Церковных ведомостей» дал «руководственные начала» для всех епископов в текущий исторический момент. Основной посыл заключался в том, что пастырям нужно объединиться с архиереями и паствой и вступить на «подвиг борьбы». Аксенов задается

¹² См.: Медведь Я., священник. Кто виноват в современных несчастьях России // Правда православия. 1906. № 3. С. 2–4.

¹³ См.: Христианство и современность // Правда православия. 1906. № 4. С. 1, 2.

¹⁴ См.: Аксенов П., священник. Высшая церковная власть и современность // Правда православия. 1906. № 2. С. 1, 2.

вопросами: кто враг, какова тактика борьбы с ним? В определении врага, полагает Аксенов, Антоний «ограничивается обывательским глазомером», митрополит отмечает «распадение устоев нашей государственности», пишет про «ожесточенных врагов церкви Христовой и государственного порядка». Но, продолжает единоверческий священник, церковный и государственный порядок «высочайше признан подлежащим преобразованию в корнях своих», а Синод внушает пастве и духовенству «не обращать внимания на политические программы», что подрывает его авторитет. Политически активная паства оставила духовенство, «замкнувшееся в отрешенности от жизни, в той отрешенности, какую так недавно вменяли в долг служебный сверху». Духовенство в большинстве своем освоилось со своим невмешательством, а те, кто участвовал в политической жизни, понесли наказание. Однако призыв Святейшего Синода — «первое историческое разрешение высшей церковной власти за синодальный период быть духовенству с правами и обязанностями граждан русского государства».¹⁵ Автор отмечает, что настала необходимость духовенству свободно обмениваться своими суждениями, а «Правда православия» готова стать площадкой для такого рода высказываний.

Рефлексии о роли церкви в российском обществе начала XX в. нашли отражение в статье «Почему нас не слушают».¹⁶ Автор (под псевдонимом «Священник И. Е-в») первым делом отмечает «лицемерие пастырей», а также непримиримые крайности в спорах между священниками и представителями интеллигенции. Интеллигенты, пишет священник, отмечают, что христианство слишком аскетично, а пастыри забыли о любви к ближнему. Пастыри же, напротив, обвиняют интеллигенцию в распущенности и в том, что она забыла о любви к Богу.¹⁷

Современные ему проповеди пастырей автор считает слишком отвлеченными и пессимистичными, в них не хватает «христианского реализма». Автор, демонстрируя познания в философии, пишет о том, что «русский человек реалист по природе... Потому еще до сих пор он недоверчиво так относится к филосо-

фии, а метафизика совсем не пользуется у нас кредитом. Потому он так увлекался социальной философией Спенсера; так поклоняется Марксу и так круто кончает с ним, когда раскусывает в нем метафизическую основу». В связи с этим он подводит предварительный итог своим рассуждениям: «Не могут иметь успеха наши отвлеченные, оскопленные, без плоти и крови, вздутые, высокопарные, полуславянским языком сказанные проповеди. Потому проповедник у нас на кафедре, а народ валом из церкви».¹⁸

Вторая причина безуспешности пастырской проповеди в том, что она отличается религиозным индивидуализмом, раскрывает вопросы, касающиеся отдельного человека, а не целых человеческих сообществ и социальных взаимоотношений, в то время как рабочие и крестьяне задают такого рода вопросы и, не получая на них живого искреннего ответа, отпадают от церкви. Третья же причина заключается в «антихристианском пессимизме». Проповеди полны «воплей об упадке веры, уменьшении любви, умножении беззаконий» — такой пессимизм, считает автор, носит антихристианский характер. «Пессимисты» только обличают зло, не предлагая, чем его можно заменить, и превращаются «из пастырей-врачей в грозных судей».¹⁹ Такого рода рассуждения, не касавшиеся политической ситуации напрямую, были важны для переосмысления роли церкви и духовенства в общественно-политической жизни.

Продолжал ту же тему редактор газеты, священник П. Аксенов, рефлексировавший о роли и способах участия духовенства в политической жизни. Он писал о том, что хотя отдельные представители духовенства входят в Государственный совет (3 от архиереев, 3 от белого духовенства), их голоса не так много значат, поскольку они высказывают свои личные мнения. Для того чтобы голос церкви был услышан, она должна выработать консолидированное мнение, которое ее представители будут доносить во время законотворческого процесса, и таким образом более эффективно отстаивать права слабых, бедных и угнетенных.²⁰ Впрочем, конкретных шагов он не предлагал,

¹⁵ Впрочем, запреты служения политически активных священников продолжились и после упомянутого воззвания Синода. См.: Что же делается?! // Правда православия. 1906. № 3. С. 1, 2.

¹⁶ См.: Почему нас не слушают // Правда православия. 1906. № 4. С. 2–4; № 5. С. 2–5.

¹⁷ См.: Там же. № 4. С. 2, 3.

¹⁸ Там же. № 4. С. 4.

¹⁹ Там же. № 5. С. 2–5.

²⁰ См.: Аксенов П., свящ. Отзывчивость христианства по вопросам гражданской жизни // Правда православия. 1906. № 5. С. 1, 2.

видимо, рассчитывая на скорый созыв Поместного собора и формирование общецерковной позиции по важнейшим вопросам в ходе его работы.

В «Правде православия» можно встретить разнообразие мнений. Так, священник И. Жаборский обличал неправду в общественной и церковной жизни, местами выражая достаточно левые взгляды: «Кулак-мироед, как вампир высасывает последние соки обедневшей, голодающей деревни. Все знают это. Ему бы, по справедливости, надо быть не в столь отдаленных местах, по крайней мере, в общем презрении. У нас же он в почете; ему первое место на клиросе в деревенской церкви. Он — староста церковный, он — приятный гость у батюшки. Он — благотворитель и украшитель храма. В праздники к нему с крестом, молебном первому! И посмотрите на него в церкви. Какое постное лицо! Какие истовые кресты, поклоны. Зайдите к нему в дом. Весь большой угол украшен иконами, около каждой лампы. Заговорите с ним, он сейчас сведет на божественное. Станет жаловаться на упадок веры, благочестия, на развращение нравов! На испорченность молодежи...

Купец-обиратель всю жизнь ведет дело обманом: обмеривает, обвешивает, худой товар продает за хороший. Этим путем нажил дома, капиталы. И ему бы давно место в Сибири! А он у нас в почете!

И как же не почитать! Он пожертвовал тысячу на причт; он — обновил иконостас; он построил колокольню, а часто и целую церковь. Кому как не ему... быть и старостой церковным!»²¹

Автор сокрушается, что русские люди не воспринимают данную им в Евангелии истину. Также интересно отметить, что для обличения «неправды жизни» священник Жаборский выбрал уважаемых мирян, а не революционеров-бомбистов.

Были в «Правде православия» и вполне традиционные для церковных деятелей призывы к миру и прекращению зверств со всех сторон.²²

Аксенов рефлексировал и о судьбе Первой Государственной думы: «Готовые облагодетельствовать народ политические партии наших дней страдают тем же недугом, каким больно и бюрократическое правительство (будь оно по-

лицейским или культурно-просветительным), именно все хотят сделать со стороны, сверху, излить милости из рога изобилия... политические партии ищут власти и выходят на борьбу с правительством с благими намерениями, желая занять его место». Но христианское понимание власти — это служение, а не благодетельствование, навязывание, опека. Священники хорошо знают народный быт, а значит, должны быть среди народных представителей (по избранию народа).²³ Видимо, статья была посвящена грядущим выборам во Вторую Государственную думу.

Не обошла «Правду православия» и вечно актуальная дискуссия на тему «Россия и Европа». В отличие от большинства церковных изданий, писавших о том, что Европа «разлагается», священник Жаборский пишет о том, что далеко Европе до полного безбожия, что там действуют библейские общества, христианский студенческий союз. Мы же представляем себя народом-богоносцем и впадаем в фарисейство, от которого нашему народу нужно срочно избавляться.²⁴

В ноябре 1906 г. произошла смена состава редакции. В нее вошли с десяток новых лиц, а также сменился редактор — вместо священника Петра Аксенова этот пост занял священник Василий Медвецкий.²⁵ В конце того же месяца «Правда православия» была закрыта и на смену ей пришла газета «Глагол времен», выпускавшаяся тем же издателем и редакцией, смягчившая лозунг «Духовный орган за свободу и независимость», теперь он звучал как «Орган за свободу и независимость». Видимо, этот маневр должен был снять претензии со стороны Синода и дать возможность продолжения критических публикаций на политические темы.

В начале 1907 г. «Глагол времен» довольно жестко критиковал реформы 1905 г. Автор писал: «Будущий историк несомненно отметит акт присвоения Россией конституции по западному образцу как одну из крупнейших ошибок мировой истории». Во-первых, у русского народа совершенно особенные, отличающиеся от запада условия существования. Во-вторых, в 1905 г. во всей Европе не находилось более «ни одного сознательного

²¹ Жаборский И., священник. Думы о правде жизни // Правда православия. 1906. № 3. С. 10, 11.

²² См.: Аксенов П., священник. Нельзя не искать просвета // Правда православия. 1906. № 6. С. 1, 2.

²³ См.: Он же. Насколько духовенство способно послужить делу гражданского умиротворения. 1906. № 7. С. 1, 2.

²⁴ См.: Жаборский И., священник. Правда в жизни // Правда православия. 1906. № 9. С. 3.

²⁵ См.: Правда православия. 1906. № 10. С. 1.

человека», который признал бы парламентаризм идеальной формой правления. Помимо прочих ужасов парламентаризма, он отмечал «торжество капитала над нравственностью». Автор отмечал, что в 1905 г. 150-миллионный русский народ отчетливо заявил, что по-старому он жить не хочет. В ответ на это один человек — граф Витте составил план, по которому весь народ должен двигаться далее. Однако ответа, что нужно предложить русскому народу, автор не дает.²⁶ Здесь прослеживается попытка персонифицировать ответственность за неидеально идущий политический процесс в России и возложить ее на одного человека.

Один из авторов «Глагола времен» ярко высказывался о представителях духовенства, выступавших за смертную казнь.²⁷ А. Горбатов описывает пугавшую его в детстве фигуру черного монаха. Теперь же подобные монахи проповедовали вешать несогласных, боролись с инакомыслием в церкви. В пример он приводит расправу над бывшими членами Государственной думы священниками Афанасьевым и Огневым, заточение в Задонский монастырь архимандрита Михаила за высказывание своих личных убеждений. Он говорит о том, что Русская православная церковь стала карательной и идет по пути католицизма. Церковь перестала быть мерилем истины, потому что она стала орудием силы, потому что формы ее отжили и омертвели. Церковь падает, потому что во главе ее стоит монашество, отошедшее от жизни, презирающее жизнь. Нужна большая церковная реформа, которая возродит христианскую общину в формах, соответствующих времени.

Со страниц «Глагола времен» лились и обличения архиереев, заискивающих перед властями. Автор выступал против «великих инквизиторов» — архиерейства и синодальных чиновников. В разгар «освободительного движения» они хранили молчание, они задавили все, что было «свежего» в среде духовенства. Когда кризис стал отступать, «инквизиторы» вновь вернулись. Было время, когда они в Евангелии находили оправдание крепостному праву, сейчас они там же находят оправдание смертной казни. Архиереи забыли о своих циркулярах (призывавших к нейтралитету и прекращению вражды — А. П.) и стали вождя-

ми черносотенного движения, развив его до невероятной степени.²⁸

После столь насыщенного критическими статьями номера газета была закрыта, а через неделю стала выходить под прежним названием — «Правда православия». Однако характер издания существенно поменялся. Это выразилось и в отказе от свободолобивого лозунга на первой странице, и в смене тематики — большая часть материалов касалась единоверия и его внутренних проблем, а политическая повестка ушла в прошлое. С весны 1907 г. основным автором журнала становится о. Симеон Шлеев, заинтересованный в развитии единоверия и его объединении под руководством петербургского центра единоверия.

В ходе бурных политических событий Первой русской революции единоверцы не сформировали стройной идеологии и единого плана действий. Критика текущей ситуации с христианских позиций сочеталась с попыткой понять и объяснить причины революции и мотивы революционеров. Важное место в рефлексии событий начала XX в. уделялось роли духовенства (как белого, так и архиереев) в общественно-политической жизни, отмечалась необходимость реформирования Русской православной церкви. «Правда православия» достаточно жестко критиковала синодальный режим, полагая, что синодальная церковь, омертвев, оказалась не в состоянии ответить на вызовы времени и несет большую долю ответственности за разразившуюся революцию.

Общеполитическая обстановка играла большую роль в формировании важной для единоверцев повестки осенью 1906 — в начале 1907 г. Однако государственное и синодальное давление, с одной стороны, и общая стабилизация ситуации в стране — с другой, подталкивали единоверцев к тому, чтобы сосредоточиться на внутренних проблемах своей религиозной группы. С конца января 1907 г. общеполитические проблемы для единоверцев отходят на второй план. Одновременно в конце 1900-х — начале 1910-х гг. основная идеологическая борьба в единоверческой среде проходила не только и не столько в периодической печати, сколько на локальных и всероссийском съездах единоверцев.

²⁶ См.: Зенгер А. О новом // Глагол времен. 1907. № 16. С. 4, 5.

²⁷ См.: Горбатов А. Гасители // Глагол времен. 1907. № 16. С. 5, 6.

²⁸ См.: Боцяновский В. Мелочи архиерейской жизни // Глагол времен. 1906. № 16. С. 7–9.

Alexander S. Palkin

Candidate of the Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: a.s.palkin@urfu.ru**EDINOVERIE THOUGHT IN THE ERA OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION
(BASED ON THE MATERIALS OF THE NEWSPAPER “PRAVDA PRAVOSLAVIYA”)**

The paper analyzes experience of Edinoverie political thought in the era of the First Russian Revolution. Analysis is conducted in the context of development of Edinoverie thought and formation of confessional identity of Edinovertsy in the 2nd half of the 19th century – early 20th century. Three specific directions of Edinoverie formed during this period were identified: conservative, radical and reformist. The focus of the article is on the latter, headed by St. Petersburg priest Simeon Shleev. Its representatives advocated reforming the synodal structure of the church, convening a Local Council, strengthening the autonomy of Edinovertsy and uniting them under the auspices of the St. Petersburg center of Edinoverie. Their organ was the “Pravda Pravoslaviya” (Truth of Orthodoxy) newspaper (published for some time under the title “Glagol Vremen” (The Word of Times)). The publication of the first issues of the newspaper fell on the era of the First Russian Revolution. That is why the St. Petersburg co-religionists, claiming leadership among their fellow believers throughout the country, began to write on political topics and publicly critically interpret the surrounding political reality. The paper determines thematic field and authors, who touched political matters in 1906–1907 in “Pravda Pravoslaviya” and “Glagol Vremen”, analyzes dynamics of such publications. Conclusions are drawn about the correlation between the general political agenda and specific issues that worried Edinovertsy.

Keywords: *Edinoverie*, “*Pravda Pravoslaviya*” (“*Truth of Orthodoxy*”), “*Glagol Vremen*” (“*Word of Times*”), *ecclesiastical periodicals*, *revolution*, *Simeon Shleev*, *Russian Orthodox Church*

REFERENCES

- Iwaniec E. [Old Believers’ publications in Poland and their Old Russian traditions]. *Zeszyty naukowe universitetu Lodzkiego. Seria I. Nauki humanistyczno-społeczne* [Scientific journals of the Lodz University. Series I. Humanities and social sciences]. Lodz: Uniw. łódzki Publ., 1976, z. 109, pp. 69–70. (in Polish).
- Iwaniec E. *Droga Konstancyzna Gołubowa od starowierstwa do prawosławia: karty z dziejów duchowości rosyjskiej w drugiej połowie XIX wieku* [The way of Konstancyzna Gołubów from the Old Belief to the Orthodox Church: pages from the history of Russian spirituality in the second half of the 19th century]. Białystok: Orthdruk Publ., 2001. (in Polish).
- Iwaniec E. *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich: XVII–XX w.* [From the history of Old Believers in Poland: 17th–20th century]. Warsaw: Białostockie Towarzystwo Naukowe, Państwowe Wydawnictwo Naukowe Publ., 1977. (in Polish).
- Kaurkin R. V., Pavlova O. A. *Edinoveriye v Rossii (ot zarozhdeniya idei do nachala XX veka)* [Edinoverie in Russia (from the origins of idea to the beginning of the 20th century)]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2011. (in Russ.).
- Palkin A. S. [Common Faith in the Late 1820s–1850s: Mechanisms of State Oppression and Old Believers’ Opposition]. *Quaestio Rossica*, 2014, no. 3, pp. 86–106. DOI: 10.15826/qr.2014.3.063 (in Russ.).
- Palkin A. S. [On the history of the inner life of the common faith communities in Ekaterinburg and Nizhny Tagil: from confrontation to unification]. *Vestnik muzeya “Nev’yanskaya Ikona”* [Bulletin of the Museum “Nevyanskaya Icon”]. Ekaterinburg: ID “AvtoGRAF”, 2013, iss. 4, pp. 186–197. (in Russ.).
- Palkin A. S. [Polemics of the representatives of the intellectual elites of Edinoverie (uni-belief) about the ways of its development in the 1860s]. *Ural’skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2012, no. 3 (36), pp. 66–72. (in Russ.).
- Palkin A. S. *Edinoveriye v seredine XVIII – nachale XX v.: obshcherossiyskiy kontekst i regional’naya spetsifika* [Edinoverie in the mid-18th – early 20th century: the All-Russian context and regional specificity]. Ekaterinburg: UrGU Publ., 2016. (in Russ.).
- Pokrovsky N. N., Zolnikova N. D. *Staroverye-chasovennyye na vostoche Rossii v XVIII–XX vv.* [Chapel Old Believers in the East of Russia in the 18th–20th centuries]. Moscow: “Pamyatniki istoricheskoy mysli” Publ., 2002. (in Russ.).
- Voznesensky A. V., Mangilev P. I., Pochinskaya I. V. *Knigoizdatel’skaya deyatel’nost’ staroobryadtsev (1701–1918). Materialy k slovaryu* [Book publishing activity of Old Believers (1701–1918). Materials for the dictionary]. Ekaterinburg: B.i., 1996. (in Russ.).
- White J. [Edinoverie and Official Orthodoxy: the Failure of Unity in Ceremonial Practice (1900–1913)]. *Quaestio Rossica*, 2015, no. 2, pp. 201–223. DOI: 10.15826/qr.2015.2.104 (in Russ.).
- White J. [Edinoverie and the Concept of Confessionalisation: Discursive Remarks]. *Quaestio Rossica*, 2016, vol. 4, no. 4, pp. 177–189. DOI: 10.15826/qr.2016.4.199 (in Russ.).
- White J. M. *Unity in Faith?: Edinoverie, Russian Orthodoxy and Old Belief, 1800–1918*. Bloomington: Indiana University Press, 2020. (in English).